

ИСТОРИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ИХ ИСТОЧНИКОВ

Е.А. Купряшина

Оценка доказательств и их источников является важнейшей и окончательной составляющей процесса доказывания, и служит необходимым условием ведения следствия и суда, принятия обоснованных процессуальных решений, правильного применения уголовного закона. Проблемы, возникающие в уголовном процессе в ходе оценки существовали еще у дореволюционных юристов, а в последние годы интерес к ним ученых процессуалистов заметно повысился. И это не случайно, поскольку оценка доказательств и их источников представляет одну из самых сложных частей процесса доказывания, соответствующую логической ступени познания.

Путь к современному пониманию оценки был долгим и непростым. С учетом исторических условий, а также многих факторов, действовавших в конкретных странах (этнические, культурные, религиозные, экономические и другие особенности их развития), складывались неодинаковые представления о том, как должны решаться узловые вопросы доказывания по уголовным делам.

История судебного процесса России берет свое начало в девятом веке, получив закрепление в первом письменном источнике – Русской правде. Поскольку в это время процесс носил обвинительный характер, то система доказательств, сложившаяся под большим влиянием религиозных воззрений того времени, включала в себя свидетельские показания, клятвы, поединки и различного рода испытания (ордалии: огнем, водой, раскаленным железом и т.д.) – т.н. «суд Божий»¹ Ордалии являлись на тот момент своеобразной аналогией нынешнему понятию – критерии оценки. Доказательства, а по сути это были источники доказательств как источники сведений, в общем-то даже и не оценивались людьми, т.к. это делал Бог или Боги (в язычестве). Люди лишь совершали поединки, ордалии, присяги, участвовали в роте, жребиях, считали количество свидетелей и т.д. А те, кто судил, исключительно «подсчитывали очки» той или иной стороны.

¹ Громов Н.А., Зайцева С.А. Оценка доказательств в уголовном процессе. – М.: Изд-во Приор, 2002. – С.13.

Можно отметить, что в то время присутствовала даже не оценка доказательств в том виде, как это принято считать с точки зрения современного уголовного процесса, а оценивание тех результатов, которые были получены путем производства ордалий, то есть налицо религиозно-формальная система оценивания, не имеющая ничего общего с современными положениями относительно оценки доказательств, за исключением того, что существовали и учитывались сведения, данные свидетелями и теми, кто приносил клятвы. Но поскольку процесс велся больше частью в устной форме, а закон еще не знал письменных доказательств, а точнее было бы сказать источников сведений, то нельзя говорить ни о какой бы то ни было процессуальной форме доказательств. Таким образом происходило во времена Русской Правды. Но времена менялись.

Для Российского государства времен конца XV – начала XIX веков характерным стал розыскной (инквизиционный) тип процесса, которому была присуща так называемая формальная система доказательств и формальная система их оценки. Наиболее значимыми законодательными актами этого периода были Судебник 1550 года, Соборное Уложение 1649 года, Свод законов 1832 года.

Судебник 1550 года практически не изменил существа системы источников доказательств и их оценки. В соответствии с Уложением 1649г. все также происходят присяги, поле (оценка доказательств «Богом»), кидаются жребии (некий аналог методу определения следственного действия), т.е. прослеживается все тот же религиозный формализм, но некие зачатки разумной оценки достоверности уже начинают формироваться – подтверждение документов показаниями свидетелей, а также другими документами. Но в целом с позиции разумности это было еще «темное» время, весьма далекое от нынешнего положения свободной оценки доказательств. Основным отличительным началом в системе доказательств по Своду законов 1832 года было общее положение: никто не может быть осужден без точных доказательств или явных улик в преступлении (ст. 304). Таким образом, закон якобы устанавливал «преграду» своеволию и произволу судей; чем более тяжко обвинение, тем сильнее должны быть и доказательства (ст. 310); при недостатке доказательств в «совершенной достоверности» вины подсудимого «лучше освободить от наказания десять виновных, нежели приговорить невиновного» (ст. 311). Все доказательства по Своду разделяются на совершенные

и несовершеннолетние (ст. 304). Все свидетели допрашивались только под присягой. Обвинительный приговор мог быть постановлен только при наличии совершенных доказательств. В отдельных случаях несколько несовершеннолетних доказательств по совокупности образовывали совершенное доказательство. Оправдательный приговор мог быть вынесен при полном отсутствии улик.

В целом можно отметить, что этой эпохе была присуща «формальная система доказательств, сила которых определена законом»².

Эта система характеризовалась, прежде всего, строгой регламентацией действий по оценке доказательств, что отсутствует в современном положении по оценке. Тогда система строилась на исходном положении, опиравшемся на то, что ценность каждого вида источника доказательства должна заранее устанавливаться. Закон определял, какие доказательства и их источники были совершенными, какие второстепенными, и превращал признание обвиняемым, своей вины в главное доказательство.

Ценность (доказательственное значение) конкретного доказательства определялась не только его содержанием, но и социальным положением или какими-то иными личными качествами свидетеля, что находило выражение в строгой иерархии доказательств: показания знатного свидетеля имели преимущество перед показаниями незнатного, показания духовного лица – перед показаниями светского, показания мужчины – перед женщиной.

Допустимым методом получения доказательств признавались пытки. Теория формальных доказательств явилась, на наш взгляд, для своего времени выдающимся достижением, по сравнению с предшествующей ей системой доказательств раннего феодализма, поскольку она достигала своей цели – оградить отправление правосудия от произвола судьи. Но она не достигала самой главной цели, для которой была создана: цели правосудия. Судебный приговор удовлетворял формальным требованиям закона, но не удовлетворял требованиям правосудия.

Интерес к свободной оценке доказательств в России наиболее остро стал проявляться в связи с нововведениями, вызванными Судебной реформой 1864 года. Однако прежде можно отметить, что свободная оценка по внутреннему убеждению, близкая к ее сего-

² Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. – М.: Госюриздат, 1957. – Т.1 – С.709.

дняшнему пониманию, раскрылась в смешанном уголовном процессе, во Франции, в Уставе уголовного судопроизводства, в ст. 342 этого Устава и в Инструкции присяжным заседателям. Закон не требовал у присяжных отчета о пути, которым они приходят к своему убеждению; он не предписывал им правила, в зависимости от которых они должны оценивать полноту и достаточность доказательств. Закон ставил только один вопрос: есть ли у присяжных внутреннее убеждение, что обвиняемый виновен либо невиновен³. Теория свободной оценки доказательств в данном случае выразила провозглашение таких принципов организации и деятельности суда, как участие народных представителей, публичность, гласность, состязательность, свобода судейской совести. Эту теорию также восприняла и Россия. Реформой 1864 года был введен суд присяжных, и мы стали причастны к свободной оценке доказательств по внутреннему убеждению. Усилиями отечественных ученых-юристов была разработана теория судебных доказательств русского уголовного процесса.

Пытаясь ограничить произвол в оценке доказательств, они утверждали, что внутреннее убеждение не может быть просто субъективным впечатлением судьи, не имеющим каких-либо оснований. Оно должно быть основано на доказательствах, проверенных в суде.

Вместе с тем некоторые из ученых признавали, что установление истины является целью доказывания, так как несовершенство доказательств, эмоциональные переживания судей приводят к установлению уголовно-судебной достоверности, которая является степенью вероятности⁴. Критерием оценки доказательств в суде было провозглашено внутреннее убеждение судей. Составители Устава поместили главнейшие правила оценки доказательств. Во-первых, подсудимый признается невиновным, доколе противное не будет доказано. Всякое сомнение о вине или о степени виновности подсудимого объясняется в его пользу. Это положение представляет собой формулу так называемой презумпции невиновности, признаваемой в настоящее время в теории процессуального права. Высказывался также ряд обстоятельств, при наличии которых «пока-

³ Громов Н.А., Зайцева С.А. Оценка доказательств в уголовном процессе. – М.: Изд-во Приор, 2002. – С.13, 15.

⁴ Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса, 1913. – С. 182.

зания свидетелей не принимались в уважение». Во-вторых, признавались достоверными акты, составленные в присутственном месте или у должностного лица в отношении удостоверяемых ими фактов, «доколе противное не будет доказано». В-третьих, давалось следующее определение улик и их доказательственной силы: «уликою признается всякое обстоятельство, из которого можно вывести заключение или о событии преступления или о вине подозреваемого лица. Те только улики могут быть приняты во внимание при решении дела, которые имеют несомненную связь с предметом суждения». В-четвертых, «ни собственное признание подсудимого, ни показание свидетелей не принимаются в уважение; если оно сделано не на суде, а при предварительном следствии, без присутствия при том посторонних лиц»⁵.

Но данные правила так и не были помещены в Уставе. Данная теория оценки доказательств была положена в основу создания теории доказательственного права. Основное ее правило заключалось в том, что для дела имели значение только те обстоятельства, которые являлись содержанием этого дела и входили в состав его элементов, то есть составляли предмет и пределы доказывания, то есть по сути речь шла об относимости доказательств в их нынешнем понимании. Второе правило доказывания заключалось в том, что обстоятельства, подлежащие доказыванию, должны быть подтверждены лишь доказательствами, с процессуальной точки зрения допустимыми, как, впрочем, и в УПК РФ.

В этом смысле теория доказательств делила их на первичные, получаемые из первоисточника (свидетель лично наблюдал факт либо факт устанавливает документ), и вторичные, получаемые из вторых рук (свидетель слышал о факте либо существует только копия документа), и рекомендовала суду пользоваться более достоверными, первичными доказательствами, а вторичными лишь тогда, когда нет возможности добыть первичное доказательство. Кроме этого, к группе недопустимых доказательств относились показания лиц, на которых лежит особо уважаемая государством обязанность профессиональной тайны: показания священников в отношении признания, сделанного на исповеди (п.2 ст.93, п.2 ст.704 УУС), поверенных и защитников обвиняемых – в отношении

⁵ Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. – М.: Госюриздат, 1957. – Т.1. – С. 791 – 792.

к признанию, сделанному им доверителями во время бесед по делу (п.3. ст.93, п.3 ст.704 УУС).

Третье правило доказывания состояло в том, что для дела имели одинаковое значение все доказательства в указанных пределах их связи с делом и их допустимости. Теория формальных доказательств делила доказательства на прямые и косвенные (улики) и считала последние доказательства несовершенными, а уже теория свободной оценки доказательств устранила деление доказательств на названные группы, рекомендуя суду одинаковое внимание по отношению ко всем доказательствам.

Для того чтобы формирование внутреннего убеждения судьи не переходило в систему произвола в решении дел, Уставами были предусмотрены общие правила, обязательные для каждого судьи. Первое правило гласило, что основанием для приговора должны быть исключительно данные, предоставленные суду и проверенные в судебном порядке (статьи 119, 733 УУС). Второе правило предусматривало постановление законного приговора только при условии, что он основан на всех обстоятельствах дела, то есть ни одно обстоятельство по делу не оставалось без обсуждения. Третье правило сводилось к тому, чтобы все обстоятельства дела обсуждались не иначе как по их совокупности, то есть, как это мы понимаем, в сопоставлении друг с другом. Четвертое правило, наконец, относится к способу оценки каждого отдельного доказательства; оно должно оцениваться: 1) по своей сущности или природе; 2) по «близости его к известному подлежащему доказыванию факту, по его связи с последним»⁶.

Ученые-процессуалисты конца XIX века – начала XX века в период до октябрьской революции всю задачу судебного решения сводили к субъективной уверенности судьи в правильности своего решения. Внутреннее убеждение должно было быть основано на доказательствах, проверенных в суде. Вместе с тем ученые признавали, что установление истины является целью доказывания, так как несовершенство доказательств, психические переживания судей приводят к установлению судебной достоверности, которая является только высокой степенью вероятности. В этот период, можно сказать, присутствует смешанная система оценки доказательств и их источников, еще нет в полной мере отступления от

⁶ Викторский С.И. Русский уголовный процесс. – М., 1997. – С 71–72.

системы формального оценивания, но в то же время начинают формироваться уже прогрессивные идеи по вопросам оценки, во многом схожие по содержанию с нынешней теорией в этом вопросе.

После Октябрьской революции 1917 года и отмены суда присяжных и всех ранее действовавших законов в сфере уголовного процесса, вплоть до 1922 года, в законодательных актах о судах не содержалось регламентации вопросов доказательственного права, хотя требование оценки доказательств по внутреннему убеждению судей, опираясь на социалистическое революционное правосознание, было провозглашено советским правом с первых же дней его существования.

Уже в Декрете № 1 от 24 ноября 1917 года о суде была подчеркнута особая роль «революционного правосознания» в деятельности суда. (Декрет о суде №№ 1, 2, 3; Положение о народном суде от 30 ноября 1918 года. СУ РСФСР, 1917, № 4. Ст. 50; 1918, № 26. Ст. 402; 1918, № 52. Ст. 589; 1918, №85. Ст.889).

За те три года, пока в стране происходил переход от капитализма к социализму только УПК 1923 года провозгласил принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. Вместе с тем – и в этом один из аспектов качественной новизны этого принципа в советском уголовном процессе – закон требовал обоснования этого убеждения тщательно исследованными доказательствами с приведением и анализом их в приговоре суда. В 20-30-х годах многие советские процессуалисты и криминалисты были приверженцами теории «объективизации» уголовного процесса, т.е. нужно было расширить «материальный сектор» уголовного процесса (вещественные доказательства, документы и заключения экспертов) и приступить, по мнению некоторых из них, к разработке обязательных для судей объективных критериев ценности доказательств. Теория «объективизации» уголовного процесса, подчеркивая необходимость исследования объективных оснований оценки доказательств, имела известное позитивное содержание. А.Я. Вышинский подверг указанную концепцию критике (хотя в 20-х годах разделял те же взгляды) высказавшись за «свободу действий при оценке доказательств», он связал эту проблему с характером знания, получаемого в результате оценки доказательств, подчеркнув, что «судебный приговор является выражением лишь максимальной

вероятности» Если критикуемая им концепция в той или иной степени шла по линии ограничения принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению, то А.Я. Вышинский по существу отождествлял его с субъективистским подходом к оценке доказательств.

В 1924 году начало оценки доказательств по внутреннему убеждению утверждается Основами уголовного судопроизводства СССР и союзных республик (статьи 20, 23). Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года в ст. 17 и УПК РСФСР 1960 года вновь и окончательно закрепили этот принцип оценки доказательств – ст. 71.

УПК РСФСР 1960 года, наиболее отвечающий принципам цивилизованного (в нашем понимании) уголовного процесса отмечал, что принципы оценки едины для всех стадий. Различие оценки не в ее характере, а в содержании и значении выводов по делу. Термин «внутреннее убеждение» означает, что подход к оценке доказательств на любой стадии включает непредвзятость, отсутствие предубежденности, независимость. Оценка по внутреннему убеждению предполагает отсутствие в уголовном процессе правил о преимуществах одного вида и о заранее установленной силе определенного количества доказательств. В соответствии с ч. 3 ст. 49 Конституции РФ все сомнения в доказанности обвинения, если их не представляется возможным устранить, должны толковаться в пользу обвиняемого, подсудимого. Причем при оценке доказательств толкуются в пользу подсудимого неустранимые сомнения не только в его виновности в целом, но и в отдельных эпизодах предъявленного обвинения, инкриминированной формы вины, обстоятельств, отягчающих наказание, и т.д.⁷.

Правосознание лица, производящего дознание (такая формулировка существовала в УПК РСФСР 1960 г.), следователя, прокурора и суда обеспечивает при оценке уяснение смысла и значения правил доказывания; позволяет предупредить попытки противопоставить требования законности и целесообразности; помогает применить закон в соответствии с его задачами и принципами к конкретным обстоятельствам дела; предупреждает обвинительный уклон, предвзятое отношение к отдельным доказательствам.

В целом проведенный анализ позволяет сказать, что в советском уголовном процессе с самого начала был установлен принцип

⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 7. – С. 3.

свободной оценки доказательств судьями по их внутреннему убеждению на основе объективных данных. Другими словами, будучи субъективным по форме, внутреннее убеждение должно быть объективным по своему содержанию.

Практическим осуществлением этого принципа было то, что закон требовал обоснования убеждения всесторонне исследованными доказательствами. Однако провозглашенные принципы уголовного процесса, касающиеся, в частности и оценки доказательств, подверглись в дальнейшем серьезным деформациям и фактически в 30-е гг., особенно во второй их половине, были отменены реальной практикой уголовного судопроизводства. Это связано, прежде всего, с нарастанием волны политических репрессий, выискиванием и нахождением «врагов народа».

Подводя итог всему выше изложенному, следует отметить главное. В законах России и уголовно-процессуальной теории вопросам оценки доказательств и их источников традиционное для наших дней внимание стало уделяться, начиная с конца XIX – начала XX веков. Мы проследили динамику становления и механизм оценки, начиная с ее формальных принципов, постепенно переходящих в смешанную форму и, наконец, в XX веке был провозглашен принцип свободной оценки. В настоящее время российская теория доказательств говорит непосредственно о свободе оценки доказательств, в том числе и их источников, в качестве принципа уголовного процесса, оценка производится по внутреннему убеждению, основанному на совокупности доказательств, руководствуясь законом и совестью.

К ВОПРОСУ НАСИЛИЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Г.В. Миропольская

Проблема насилия в местах лишения свободы весьма специфична, так как связана с существованием в микросреде исправительных учреждений «теневых отношений», которые выступают в качестве альтернативе официальным индивидуальным и групповым правилам поведения. "Теневые" правила в своей совокупности представляют собой проявление феномена "другой жизни" ("субкультуры") осужденных, которую справедливо многие называют